

Георгий МАЛКОВ,
поэт, искусствовед,
диакон РПЦ
(г. Москва)

ПИСЬМА К С. ШЕЛКОВУ

22 июля 2009 г.

Произведение: «Озёра и смоквы Заветных земель...» —

И вновь скажу, что Ваши стихи мне весьма симпатичны и близки по духу — в этом триптихе особенно, особенно первое. Но второе — наиболее здесь серьёзное «по смыслу» для меня и наиболее «вычekanенное» — напоминает, однако, о собственных же моих сладких «грешках»: ведь те, кто, как я (думаю, и Вы), выходили во многом «из-под шинели» Мандельштама, порой (незаметным даже для себя образом) нет-нет да и бывают настигаемы его прозрачною тенью — и тут она явно дышала в затылок Вашей Музе. Но будем (в том числе и так) благодарны нашим словесным предкам...

С искренней признательностью
за Ваше душевно искреннее же творчество — *Георгий.*

3 августа 2009 г.

Произведение «Услышанное не вернётся в хаос...» —

По мне — очень хорошо.

А Крым и мне дал немало — и я когда-то стоял над херсонесским обрывом — вдвоём... Золотисто-зелёная крымская дымка часто встаёт перед глазами. И всё в зелёных перьях море — каким оно предстаёт с какой-нибудь горки повыше...

Как-то в самом начале моего стихотворства появился и странный, в чём-то наивный и, верно, «не модный» на современный слух, но внутренне искренний стишок: не совсем напрямую

о Крыме, но как бы о его внутренней ситуации (причём — «внутреннего Крыма») — как она тогда мной воспринималась. Поделюсь им именно с Вами:

*...Пусть в долгом сне, и кровь в висках не знает —
В колючем инее, в безмолвье сонных льдин —
Путей иных в заснеженных сосудах;
Лишь быстрой ласточкой мелькнет вдруг день один
В просторе ветренном и золотистых грудах
Опавших дней и снова исчезает
В заветной глубине — как в озере пустом,
Чей влажный блеск дрожит недобрым дном...
Всевидящее око в светлой влаге
В пречистом отраженье жертвы ждёт;
Звонит ручей в притихнувшем овраге,
И вот, знакомому давно покорен звону,
С зелёной дудочкой и веткою зелёной,
Седой пастух стада свои ведёт.
Их полдень тих, и только взмах руки,
Чьи всплески так блаженны и легки,
Прозрачных звуков тень перебирая,
Коснётся на мгновенье тени той,
Что в роще солнечной без усталы играя,
Шуршит в ветвях сожжённою листвою...*

1975

С самыми добрыми пожеланиями, *Георгий*.

Р. С. А ещё я когда-то жил в Крыму — в Севастополе, Феодосии, Судакe, Коктебеле, Ялте, Гурзуфе, Понизовке (на бывшей даче Веселовского). На последней наблюдал на закате замечательное явление — как на фоне заходящего круга солнца частенько ходила задумчиво крыска-циркачка — прямо по натянутой бельевой веревке!

9 августа 2009 г.

Произведение: «Ища тепла в родном гиперборее...» —

Как всегда у Вас — и «внизу», но «на высоте» с прорывом Туда...
Особенно крепко, кажется, получилось — для меня: второй стих... и вторая строфа третьего.

Неизменно жду с душевной заинтересованностью Вашего очередного...

С благопожеланиями,
Георгий.

11 августа 2009 г.

Я сегодня наткнулся на Вашу статью о харьковских поэтах, с интересом прочитал её и о кое-чём даже вспомнил (правда, не напрямую о поэзии, а просто о жизни).

Сразу же в посте этом и расплылся воспоминаниями. Вам и посвящаю.

Да, решил просмотреть прежние публикации и обнаружил Ваш очерк. Благодарю за то, что он написан с таким знанием дела и любящей подробностью. Нет ли у Вас публикаций (или заготовок?) по Чичибабину — этого для меня «Сковороды» XX века?

...Часть моего детства прошла в Харькове. Я, бывало, жил у родителей матери — на Купянской, «в Лучу», у ХТЗ, между переулками Гудаутским и Бетховена (!!!). Там, кстати, получил и первые свои «религиозные» впечатления (каковыми я, естественно, осознал их лишь впоследствии).

Помню: день уже на закате, мне пятый год (дело происходило в 45-ом), и бабушка взяла меня с собой навестить родственницу где-то на Холодной горе. Помню: многое по дороге — ещё разбитое, сплошной обгоревший кирпич и крутой запах полыни над ним. Пришли. Небольшая окраинная белёная хата — с привычными, обомлевшими от жары, мальвами под окошками. Дранный плетень. После долгих женских разговоров у какого-то сарайчика-скрыни вводят меня в хату.

Вижу: в дымяще-золотистом от солнца коридорчике-сенях висят под низеньким потолком на какой-то палке — ведёрки с болтающимися веревками. Что это? Всунули мне в руку веревку и говорят: дерни. Я и дернул. Помню, как поразился тем, что услы-

шал... И начал — довольно-таки робко — но дергать и за другие веревочки... Так я впервые в жизни услышал — что такое колокола! Очень понравилось. Потом открыли дверь в большую темную комнату (от дневного жара ставни закрывали порой и днём), а там что-то курчавое сияет золотцем, и разноцветные огоньки до потолка. Это был храм! Курчавились виноградики и всякие там завитушки-фестончики на дешёвых окладах небольших икон и иконок. Их народ принёс из окрестных своих домов, повесил на фанерной перегородке до потолка, снабдил лампадками — вот они, волшебные огоньки в сиреновом полумраке — и получился храм! Потом уж я узнал, что родственница наша отдала тогда свой дом под церковь, приютившись сама в садовой глиняной скрыне. Потому что всё церковное в здешней округе было разрушено — сначала «своими» фашистами, а потом добавлено и немецкими...

Вышло дитя, поражённое всем услышанным и увиденным, и запомнилось ему: простое некрашеное крыльцо, с готовностью занозить тебе зазевавшуюся руку, внизу, под горой, краснющая от заката река, да кусты, да осока... И что-то — очень непонятное и странно влекущее где-то внутри (о душе я тогда ничего и не знал).

Потом, уже через много лет вспоминая об этом вечере, рассказывал о нём как-то невзначай матери за обедом. Она только и сказала: да ты маленький был, вот тебе всё и казалось таким большим и значительным. Там-то и горы никакой не было, а так — холмик метра в три высотой, и никакой реки там нет, а так — ручеек метров в пять шириной. Для гусей только и годится. Правда, был там одно время храм в тёткиной хате...

Но я-то знаю: были — и гора, и река, и закат над рекой. Было, было всё это — как и было святое ещё тогда (так — лет до пяти) то детство.

...В Харькове жил и трудился мой давний приятель (умер в самом конце прошлого года) — прекрасный рисовальщик, гравёр по бересте и иконописец Борис Чурилов, нередко навещавший меня в Москве. Есть у меня даже подготовленный к печати текст бесед с ним «за жизнь и искусство», но всё как-то руки не доходят опубликовать.

И вот ещё несколько слов о себе: Родился в 1941 г. Изначальный москвич. Живал также в Сибири, в Харькове, в Абхазии, в деревенском Подмоскovie. С 1959 г. крепко связан с Псковом и Псково-Печерским монастырем. Работал и путешествовал в значительной части СССР-ии (в искусствоведческих и археологиче-

ски-реставрационных экспедициях), а также в Сербии, Хорватии, Македонии, Косове, Голландии, Греции с Критом, на Кипре, в Израиле.

Учился в инженерном институте (МИСИ), окончил искусствоведческое отделение Истфака МГУ, работал в архитектурно-реставрационных мастерских, в ГТГ, в Центральном совете Общества охраны памятников, в МГУ. В последнем защитил в 1983 г. диссертацию по истории древнего новгородского монументального искусства и его связей с Балканами. Более четверти века проработал экспертом по иконописи в НИИ реставрации при Министерстве культуры. Одновременно сотрудничал в Издательском отделе Московской Патриархии.

Опубликовал порядка ста тридцати статей (историко-архитектурных, о фресках и иконах Древней Руси и Византии, по истории древнерусской литературы и эстетики, а также богословских; составил несколько церковных служб, включенных в богослужбные Минеи Русской Церкви). Также издал около десятка книг по истории Церкви и средневековой иконописи.

В 2006 г. опубликовал книгу «Контрреволюция духа. Святая Русь и возрождение России (церковно-политические очерки)».

Стихи писал всегда только эпизодически — когда не мог от них уклониться.

Публикации стихов: журналы «Путь Православия», «Альфа и Омега»; книги: Мера. М., 2003; В Страстную субботу. Стихи о России. М., 2006; Ангел Хранитель. М., 2006.

В 2003 г. принял сан диакона и служу в одном из московских храмов.

Благодарю Вас за весьма интересный Ваш очерк,
с глубоким уважением, *Георгий*

31 августа 2009 г.

Произведение: «Не клялся вслух, но клятвы не нарушу...» —

Ах, что за чудесно смиренномудрый был поэт Ч. Б.!

И как, верно, приятно ему теперь услышать такой братский привет...

2 сентября 2009 г.

Ваша статья «Неисправимый звуколюб» — заметки о метафоризме Осипа Мандельштама — изумительное слово о Поэте. Адекватное его блаженному творчеству.

Спасибо, спасибо. Г. М.

30 сентября 2009 г.

Произведение: «Понеже каторжанская держава...» —

Прекрасно, прекрасно скорбно всё сказано!

Георгий.

5 сентября 2011 г.

Произведение: «Птиц-имён неизбывная стая...» —

Что ж, и эти стихи 88-го года, Сергей, хороши... Но как же всё-таки за эти двадцать с лишним лет возрос Ваш художественный дар!

И это — естественно и прекрасно.

Однако хочу заметить о другом. Вы, как, смею думать, и я, никогда не оставались поэтом, равнодушным к судьбе своей страны. А как многие из нас заиклены! — преимущественно только на СВОЁМ собственном художественном мире, на СВОИХ «откровениях», на СВОИХ душевных ранах, на СВОИХ транскрипциях мира и даже на СВОИХ, придуманных ими для СВОЕГО же творческого «комфорта», богах и псевдосвятынях...

И что показательно (замечал неоднократно): как только появляются на сайте стихи, обращённые к реальной трагедии нашей российской жизни, то чаще всего коммуникационный электронный «эфир» как бы замирает в некоем недоумении; не знают, верно, многие — что тут и сказать, да непривычно и говорить-то вроде об этом (ведь так удобно в своих лирических раковинках!)...

Да и сердца нередко далеки от таких «поэтических прокламаций».

Не могу утверждать, что жанр «гражданской лирики» мне самому так уж непременно приятен; к тому же он предельно

труден — для того, чтобы не зазвучать вдруг фальшиво: помните, сколько фальши встречается даже в замечательном Пастернаке, когда он начинает вдруг затрагивать «гражданские» темы?). Но в отдельные времена и сей жанр оказывается полезен и, что немаловажно, эту тематику порой не может отринуть и сам поэт (хотя «про сирень», и «про любовь», и «про душевные копошения» в самом себе бывает, чаще всего, писать интересней (да и пишется нередко лучше)).

Через это в своё время прошёл и я...

По опусам множества поэтов — в том числе и Вашим стихам, и моим, и тысяч других «пишущих» — будут в дальнейшем судить и рядить (кто как захочет) о всевозможнейших, разнообразнейших «поэтических» вещах нашей эпохи.

Но уверен: о духе подлинной российской интеллигенции — в её отношении ко всем мерзостям окружавшей и окружающей жизни, ко всем горестям оной, к её героям и злодеям, о нашем неприятии коммуно-советизма (как «духовного» зверства!), о нашем противостоянии ему — и тайном, и открытом, — будут судить в значительной мере именно по таким стихам, как вот эти Ваши «1988 года», как отдельные мои (начиная с 1970-х гг.), как равно и стихи некоторого числа (увы, явно не слишком большого) других авторов — из области, как я её называю, «поэзии сопротивления».

Вообще же таких стихов тогда писалось весьма немного — из равнодушия, из-за непечатаемости, из-за духовной слепоты, из-за безблагодатности советизма, в котором — незаметным иногда для самих поэтов образом — они чаще всего и были воспитаны (ведь, замечу, даже и многие, казалось бы, диссиденты, внутри-то оставались вполне «совками» — по глубинной своей психологии) и, в основном, наконец, из-за самой прозаической трусости... Но не я брошу во всех них камень — им Бог здесь Судья...

И надеюсь, и верю, что когда-нибудь — в подлинно свободной, подлинной России еще будет издан сборник такой «поэзии сопротивления» — как том «поэтических» свидетельств, как страшный исторический документ той зверской вековой эпохи, в которой нам пришлось жить, чувствовать её всей шкурой и всей душой и, осмысляя, влагать «оскорблённые» наши чувства в свою «гражданскую», но и вполне лирическую при всём том поэзию.

Спасибо, Сергей. С благопожеланиями, *д. Георгий.*

7 сентября 2011 г.

Произведение: «И пагубным огнём, зрачком Ахматовой...» —

Эта — почти на уровне «формулы» — на уровне какой-то, условно говоря, «геральдической» четкости — образно-смысловая система очень перспективна для Вас (так мне представляется) и всегда — лучшее у Вас...

Всех благ, д. Г.

23 сентября 2011 г.

Произведение: «Пол-осени или полсердца вынуто...» —

Всё лучше и лучше...

Спасибо за удовольствие. *Диакон Георгий.*